

bički (стр. 170, 172, 173, 174, 175) «крой-ка» (по «шила»). Автор пытается объяснить «е» в молд. *besnie* путем возведения последнего к «тур. *bički* в контаминации с молд. *bestie* «зверь, животное, скотина» (< лат. *bestia*)» (стр. 173). Вероятнее путь заимствования молд. *besnie* < болг. *бицька* < тур. *bički* (бычки) при интенсивном развитии процессов палатализации, которое на Балканах было стимулирувано славянским адстратом.

Конкретные ареалогические наблюдения над романским языковым материалом содержатся в статьях И. С. Копелевой «Ареалы вспомогательных глаголов при местоименных глаголах во французском, итальянском и ретороманском языках» (стр. 191—193), М. Г. Волох «Микро- и макрогласы и возможности их сопоставления» (стр. 198—202), С. П. Николаевой «Архаизмы и иновации в маргинальных зонах Романии» (стр. 181—184). В последней представляется неудовлетворительной предлагаемая автором параллель между ролью испанского языка в современных говорах Галисии и ролью славянского церковного языка в период создания первых славяно-румынских государственных образований (XIV в.).

Интересными и разнообразными материалами насыщены последующие разделы сборника — «III. Историко-этно-

графические ареалы» (стр. 221—283) и «IV. Ономастика, топонимика, антропонимика» (стр. 284—306). В IV разделе, помимо упоминавшейся работы А. К. Матвеева, опубликованы статьи В. А. Никонова «Проблемы ономастических ареалов» (стр. 284—289), Г. М. Василевич «Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири» (стр. 296—302), Р. Х. Додухудоева «Ареально-историческая интерпретация микротопонимии Западного Памира» (стр. 302—306).

В заключение подчеркнем, что важно и плодотворно само развернувшееся на страницах сборника широкое и многоаспектное обсуждение неотлаженных проблем лингвогеографии и ареальной лингвистики, в том числе вопросов соотношения этих отраслей науки, а также возможности их «синтеза»; поделано и то, что привлечено внимание к трудностям как методического, так и практического характера, сопровождающих применение метода картографирования в языковедении, этнографии, археологии. Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен для специалистов самых разных отраслей языковедения.

Г. Ф. Благова, Г. П. Клепикова

С. С. Волков. Лексика русских челобитных XVII века.—
Л., изд-во ЛГУ, 1974. 163 стр.

В рецензируемой книге рассматриваются особенности формы и стилистическое своеобразие русских челобитных XVII в. — так назывались в XVI—XVII вв. всякого рода прошения, заявления, жалобы на имя царя, членов его семьи, патриарха, боярина... Эта наиболее массовая и распространённая в XVII в. разновидность актов документов своими формальными особенностями выделяется среди разнообразных по своей социальной значимости деловых памятников XVII в. Челобитные XVII в. выполняли различные функции, что отразилось уже в многозначности самого термина «челобитная». Это и родовое наименование определенной разновидности актов (официальных заявлений, прошений, жалоб, допросов и т. п.), это и видовое наименование прошения или жалобы, иска, доноса и т. п. (исконная челобитная, явочная челобитная, изветная челобитная, мировая челобитная и др.). Занимая промежуточное положение между официально-деловыми актами и актами частного-делового характера, челобитные выполняли важные социальные функции, что обуславливало их массовое использование и широкое распространение. Это обусловило также необычайную широту

и многообразие содержания документов, отражавших русскую действительность XVII в. с ее хозяйственными и бытовыми подробностями.

Вот почему челобитные являются интереснейшим объектом для языковедческого, особенно лексикологического анализа.

Письменные памятники были и остаются основными и главными источниками изучения истории русского языка. Именно широкое сравнительное изучение разнообразных письменных памятников может привести к выявлению процессов и закономерностей русского языка.

Для изучения истории лексики русского языка XVII в. особенно важно и интересно привлечение в качестве источников деловых памятников, язык которых сыграл важную роль в формировании русского национального языка в его устной и письменной формах. С. С. Волков справедливо отмечает, что изучение языка деловой письменности XVII в. самым непосредственным образом связано с исследованием процессов формирования языка русской нации и его высшей формы — национального литературного языка в начальный период их истории» (стр. 3).

Автор книги исходит из положения о том, что московский приказно-деловой язык в XVII в. был одним из стилей литературного языка, стилем, оказавшим заметное влияние на развитие языка художественной литературы и других разновидностей письменной речи. И это справедливо, ибо, как пишет Ф. П. Филин, «мы со всем основанием можем утверждать, что этот язык (язык деловой литературы. — Ф. С.) был языком литературным, поскольку он был обработан, нормирован (конечно, в меньшей степени, чем современный литературный язык), выполнял важные государственные функции»¹.

Приказно-деловой язык XVII в. обуславливал разнообразные потребности общества. Это неизбежно приводило к появлению различий в содержании и в языке отдельных видов деловых актов. Поэтому целесообразно вести исследование словарного состава деловых документов не в общем плане, а на материале отдельных видов этих памятников. Сведения частных исследований в общую картину мыслится как второй этап.

Около 1200 челобитных, написанных представителями различных социальных групп русского общества XVII в., привлечены для изучения С. С. Волков. Челобитные охватывают всю территорию Московского государства. Значение лингвистического анализа этих документов заключается в том, что он позволяет выделить определенные элементы лексико-фразеологических средств челобитных, которые составляли основу повседневной обиходной речи, определенным образом окрашивали ее.

Широкое отражение в челобитных русской действительности XVII в., богатство бытовых подробностей, представленное в них, обеспечили разнообразие лексического состава этих документов. Так как адресантами челобитных были представители различных социальных групп, выходящие из различных областей (и из центра и с периферии), то челобитные представляют весьма интересные данные для суждения о русском языке XVII в. в целом.

XVII в. в истории русского языка занимает особое место — это время складывания и укрепления экономических и социально-политических предпосылок формирования русской нации и русского национального языка. В это время усиливаются процессы языковой консолидации, формируется и развивается общенациональная обиходно-бытовая речь, укрепляется живая стихия общенародной речи, лежащая в основу будущего национального литературного языка и сыгравшая решающую роль в становлении его норм.

Цели, которые ставит перед собой автор книги, сводятся к описанию структуры (построения) челобитных XVII в. как особой разновидности актовой письменности, выделению и исследованию формуляра челобитных, устойчивых приемов, с помощью которых оформляются челобитные. Далее автор стремится объяснить причины варьирования средств формуляра, выявить источники отдельных формул, входящих в состав формуляра, и рассмотреть стилиобразующие средства челобитных и их связь с традициями высокой книжности, приказно-делового языка и обиходно-разговорной речи.

Весьма важным представляется рассмотрение соотношения в челобитных лексико-фразеологических средств, отличающихся устойчивостью (они повторяются из акта в акт), с переменными, подвижными элементами лексики и фразеологии, соотношение традиционно книжной лексики и лексики и фразеологии территориальных говоров и социальных диалектов.

Вообще надо подчеркнуть, что в исследованиях, связанных с изучением процессов формирования и развития русского национального языка, на первом плане выступают такие задачи, как: выделение элементов общенациональной устойчиво-разговорной речи, характеристика особенностей территориальных и социальных диалектов, изучение их взаимосвязей с разными видами письменной речи (художественная литература, деловая письменность, частная переписка).

Автор рецензируемой книги отчетливо представляет эти задачи и все исследование ведет в этом плане.

С. С. Волков устанавливает, что структура и формуляр челобитных определялись особенностями их содержания, их целевым назначением (челобитные предназначались не только для сообщения определенной информации, но и имели целью воздействие на чувства лица, к которому автор документа обращался: стремление вызвать жалость, сочувствие и т. д.). В структуре челобитных отчетливо выделяются три части: заголовок, основная часть и концовка. Причем официально-деловые и частично-деловые челобитные были едиными по своей структуре.

Функциональная направленность челобитных — убедить адресата в необходимости совершить желаемое для челобитчика, просимое им — приводит к тому, что имя адресата упоминается в документе трижды — сначала в детальном падеже, а затем, дважды, как обращение. Таким образом, в челобитной намечаются три эмоционально-экспрессивных центра; эти центры и создают структурное и смысловое единство и законченность документа в целом. Ср.: *Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси бьют челом... Милосердый госу-*

¹ Ф. П. Филин и др., Об истоках русского литературного языка, ВД, 1974, 3, стр. 9.

дарь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, пожалуй нас... Царь государь, смилуйся, пожалуй (Алматынки русского права», вып. 2—6. М., 1952—1957, стр. 228—229).

С. С. Волкову удалось хорошо показать, что эмоционально-экспрессивная окрашенность и завершенность, элементы художественности отличают челобитные от всех других актов, характеризующихся документальностью, строгой информативностью. А стандартность структуры челобитных сразу настраивает адресата на восприятие определенного характера информации, облегчает ее восприятие.

С точки зрения лингвистической наибольший интерес представляют челобитные, текст которых отражает «написание по рассказу» — под диктовку челобитчика (в них, как правило, нарушена структура, имеются пропуски, дополнительные данные и т. п.). Это свидетельствует об отсутствии у челобитчиков навыков приказного делопроизводства; в языке таких документов появляется много живых разговорно-обиходных черт русского языка XVII в.

В результате рассмотрения особенностей построения и формуляра челобитных С. С. Волков приходит к ряду интересных выводов. Он отмечает, что в построении и формуляре обнаруживается полное единообразие у всех челобитных, независимо от того, кто их автор. Различия, и значительные, замечаются между официально-деловыми и частно-деловыми челобитными. Они проявляются в употреблении в частно-деловых челобитных выражения *бьет челом и плачется* и специальной формулы *милости у тебя... прошу* в начальном протоколе. По-видимому, замечает автор, в этом можно видеть отражение социальных факторов, так как частно-деловые челобитные исходили главным образом от крестьян.

Формуляр челобитных строился из ряда устойчивых формул (выражений). Сюда входят предложения-формулы с традиционным характером синтаксического строя и в значительной степени традиционной лексикой (с частичным наполнением переменными элементами: титул адресата, его личное имя и т. п.).

Эти формулы-трафареты в зависимости от целей и задач документа могли распространяться дополнениями, мотивирующими, дополняющими просьбу: *пожалуй меня... за службишко, за раны, за кровь* и т. п.

Лексика, входящая в элементы формуляра, относится к активному фонду словарного состава. Архаизмы обнаруживаются лишь в составе общеупотребительных выражений, входящих в некоторые формулы: *бить челом, сирота твой* и т. п. Большая часть лексического состава, входящего в формуляр, нейтральна, ли-

шена эмоционально-экспрессивных оттенков, хотя некоторые формулярные элементы стилистически маркированы (особенно это относится к частно-деловым челобитным): *бьет челом и плачется, ужасосердиться, помиловать, пощадить* и т. п.).

При сравнении челобитных XVII в. с жалобницами-челобитными XVI в. выявляются черты сходства и различия между ними. Обнаруживаются также общие черты, характерные для всех разновидностей деловых документов, и особенности, присущие челобитным как особому виду деловых документов.

Интересны попытки С. С. Волкова установить источники и проследить историю отдельных формул формуляра (*жалоба мне на... что ты... укажешь* и т. п.).

Интересные наблюдения относительно использования этикетных элементов в челобитных содержатся во второй главе работы С. С. Волкова. Автор рассматривает устойчивые словосочетания, которые служили выражением общепринятых понятий и представлений эпохи, анализирует приемы изложения при оформлении деловых документов, вскрывает закономерности использования некоторых лексико-грамматических средств.

При анализе использования таких этикетных средств, как обращение, позитивные приложения со значением почетных титулов или сословных наименований (*великий государь, холоп, сирота* и т. п.), этикетных определений (*твоей государский, царский* и т. п.), автор отмечает возможность их употребления в других видах актов XVII в., выясняет источники их формирования (церковно-книжная письменность, приказно-деловой язык, обиходная речь).

С. С. Волков хорошо показал, что уже в начале XVII в. челобитные как разновидность деловой письменности были вполне сложившимися, с устойчивыми традициями (форма акта, отбор лексико-фразеологических средств) документами.

Тщательное исследование челобитных, написанных на различных территориях Московского государства, не обнаружило наличия каких-либо местных вариантов в их построении и оформлении. Встречающиеся отклонения от устойчивых формул свидетельствуют лишь о том, что писец не полностью овладел правилами составления этих документов или применял устаревшие уже образцы (*государь царь* вместо *царь государь*) и т. п.

Однако утверждение автора об отсутствии различий в построении и формуляре челобитных, написанных на разных территориях, нуждается в проверке. Известно, например, что другие деловые памятники XVII в. такие различия имеют. Так, купчие грамоты Пскова не совпадают полностью в отношении построения и формуляра с московскими купчими,

хотя несомненные эти и незначительны².

Все средства (и обязательные, и черемные, факультативные) челобитных определялись основной целью, которую выполняли эти документы, и имели ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску — были призваны воздействовать на чувства тех, кому была адресована челобитная. Без этих средств челобитная просто не мыслилась.

Лексика и фразеология челобитных XVII в. относится к активному фонду словарного состава русского языка эпохи (сюда относятся не только устойчивые

² См. об этом: В. И. Щеголкина, Лексика «Книг Поганкина» — памятника псковской письменности XVII в. АКД, Самарканд, 1975, стр. 8.

формулы, но и устойчивые словосочетания, составляющие начальный протокол, формулу просьбы и другие элементы формуляра, титул адресата, формула вассальной зависимости, челобитье и т. д.).

Экспрессивность — основное отличие челобитных от других видов деловых документов. В качестве экспрессивных элементов привлекались средства церковной письменности, деловой письменности, лексика и фразеология обиходно-разговорной речи.

Книга С. С. Волкова — это пока только введение в изучение лексики русских челобитных XVII в., но введенное важное и необходимое для решения многих вопросов истории словарного состава деловых памятников.

Ф. П. Сороколетов

[С. И. Котлов. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. — М., «Наука», 1974. 359 стр.]

Проблемы формирования московского говора как говора центра русского национального государства, как говора, во многом определившего характер устной русской литературной речи эпохи национального развития, — эти проблемы уже давно находятся в центре внимания русистики. Поставленные еще А. А. Шахматовым, они в последующем развитии науки об истории русского языка по существу рассматривались в свете тех их решений, какие были намечены Шахматовым. Сущность шахматовской концепции, повторявшейся и в ряде моментов развивавшейся в работах советских лингвистов, как известно, заключается в том, что московский говор, исторически выделившийся из состава диалекта Ростово-Суздальской Руси, признается в своей основе северновеликорусским, лишь постепенно менявшим свой облик под влиянием южновеликорусского наречия, носители диалектов которого все более и более поопыляли население Москвы. В связи с этим московский говор постепенно превращался в средневеликорусский, соединявший в своей структуре северновеликорусские и южновеликорусские особенности. Однако процесс складывания единого московского говора, средневеликорусского по характеру, шел очень медленно: не только в XIV, но и в XV в. «в Москве... одни окали, другие акали» (А. А. Шахматов); в XVI в. аканье укрепляет свои позиции, а в XVII становится господствующей нормой говора Москвы. Иначе говоря, согласно этой концепции, формирование единого московского койне должно быть отнесено к эпохе XVII в., по крайней мере ко времени царствования Алексея Михайловича.

Надо иметь в виду, что, как это само собой разумеется, вопросы становления единого московского койне, и, в частности, укрепления в Москве аканья как типичной черты московского говора, решались на основе показаний памятников письменности московского происхождения. С этой точки зрения, равные факты отражения аканья в московских памятниках, прежде всего в евангелиях, а также в некоторых грамотах, — факты, относящиеся к XIV — XV вв., справедливо расценивались как свидетельства наличия в Москве акающего населения, но их относительная редкость вызывала сомнения в том, что аканье в эти периоды времени уже стало нормой московской речи. Вероятно, в определенной степени здесь сказался и авторитет Шахматова, отрицавшего существование московского койне в XV и даже в XVI вв. Во всяком случае, до последнего времени положение о том, что о московском койне, характеризующем единством прежде всего в области фонетики, — также морфологии и являющемся средневеликорусским по характеру, можно говорить лишь применительно к XVII в., было широко представлено как в специальной, так и в учебной литературе.

Издание книги «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (1968) позволило С. И. Котлову не только вернуться вновь к проблеме формирования московского говора и характерных процессов, определяющих это формирование, но и поставить вопрос о пересмотре некоторых общепринятых положений, связанных с решением данной проблемы. Нет сомнений в том, что постановка этого вопроса вполне закономерна, ибо в